

3. Вытеснение Советов и роспуск Учредительного собрания

В передаче утром 25 октября новой власти в руки ПВРК сказалось желание Ленина лишить полномочий съезд Советов и предупредить всякую «узаконенную» попытку — даже исходящую от его собственных друзей по большевистской партии — создать коалиционное правительство с другими партиями, которые поддержали восстание (левые эсеры, меньшевики-интернационалисты). Правительство, созданное 26 октября, состояло только из большевиков. Возглавляемый Лениным Совет Народных Комиссаров (Совнарком) включал в себя 15 комиссаров: Рыков отвечал за внутренние дела, Троцкий — за внешнюю политику, Луначарский — за народное образование, Сталин — за национальную политику, Антонов-Овсеенко — за военное ведомство и т.д. Эсеры и меньшевики отказались присутствовать на заседании избранного съездом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) в знак протеста против большевистского акта насилия. Таким образом, правительство Ленина признали только большевистские делегаты, левые эсеры и несколько делегатов от мелких группировок, поддержавших восстание. Во ВЦИК были избраны 67 большевиков и 29 левых эсеров. 20 мест было оставлено для меньшевиков и эсеров на тот случай, если они вернутся на съезд.

Пока создавалось новое правительство, ПВРК, во главе которого стояли малоизвестные политические деятели, принял ряд жестких мер, отражающих низовую концепцию «демократии»: были закрыты семь газет («День» — ежедневное издание умеренных социалистов, «Речь» — ежедневное издание кадетов, «Новое время» — самая крупная ежевечерняя газета, «Вечернее время», «Русская воля», «Народная правда», «Биржевые ведомости»), установлен контроль над радио и телеграфом, выработан проект изъятия пустых помещений, частных квартир и автомобилей. Через два дня закрытие газет узаконил декрет, оставляющий за новыми властями право приостанав-

ливать деятельность любого издания, «сеющего беспокойство в умах и публикующего заведомо ложную информацию».

Против этих жестких мер и фактически тотального захвата власти большевиками росло недовольство, в том числе внутри партии большевиков. Первым выступил Центральный Исполнительный комитет крестьянских депутатов, находящийся в руках эсеров; за ним последовали меньшевики и эсеры из Петроградского Совета, другие организации. Они призывали народ объединяться вокруг Комитета защиты революции, созданного при Петроградской думе, единственной организации, представлявшей все слои населения. Этот Комитет заявил о том, что он берет на себя временные полномочия до созыва Учредительного собрания.

Как только выяснилось, что новый режим выражает волю большевистской партии, а не Советов, часть приверженцев восстания резко изменила свою позицию. Меньшевики-интернационалисты и левые эсеры, объединившиеся вокруг издаваемой Горьким газеты «Новая жизнь» и анархо-синдикалистской газеты «Знамя труда», поддерживаемые Бундом и Польской социалистической партией, выступили за образование социалистического революционного правительства, которое состояло бы не только из большевиков. Это течение получило поддержку многочисленных рабочих профсоюзов, Советов, заводских комитетов. Совет Выборгской стороны, безоговорочно поддерживавший большевиков с апреля, опубликовал воззвание, подписанное и меньшевиками и большевиками, о формировании коалиционного социалистического правительства.

Руководство «социалистической» оппозицией взял на себя профсоюз железнодорожников (Викжель), где большевики всегда были в меньшинстве. Не желая принимать участие в «братоубийственной борьбе», профсоюз направил властям ультиматум (29 октября), требуя образования социалистического правительства, откуда были бы исключены Ленин и Троцкий, и угрожая всеобщей забастовкой железнодорожников.

По вопросам свободы печати и создания коалиционного социалистического правительства мнения большевиков разделились. Одиннадцать членов правительства и пять членов Центрального Комитета партии (Каменев, Зиновьев, Рыков, Рязанов, Ногин) подали в отставку в знак протеста против «поддержания чисто большевистского правительства с помощью террора». Ленин же посчитал «инцидент» предательством нескольких «отдельных интеллигентов». На самом деле в октябре, так же как и в июле, до захвата власти и после, шла борьба двух внутрипартийных концепций большевизма. Большевистская дисциплина оказалась таким же далеким от реальности мифом, как и так называемая «власть Советов». Оппозиция большевиков-диссидентов» продлилась, однако, недолго. ЦК потребовал, чтобы оппозиционеры изменили свое мнение, пригрозив исключением из состава ЦК. Зиновьев подчинился 9 ноября. Остальные продержались до 30 ноября и также признали свои ошибки. Тем временем, к радости Викжеля, Ленин заключил договор о совместных действиях с левыми эсерами. Меньшевистские и эсеровские делегаты были выведены из Центрального Исполнительного Комитета II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, состоявшегося 26 ноября. В результате этой совместной акции левые эсеры вошли в правительство. Состав его оставался временным, поскольку, по общему мнению, только Учредительное собрание, которое должно было собраться в январе, могло назначить законное и представительное правительство, способное заставить большевиков пойти на уступки.

До Октября большевики постоянно обвиняли Временное правительство в затягивании созыва Учредительного собрания. Не говорить об этом они не могли. Представляется маловероятным, что Ленин заранее решил распустить Учредительное собрание, хотя Суханов утверждает, что еще в Швейцарии Ленин называл Учредительное собрание «либеральной шуткой». Тем не менее с октября Ленин неоднократно возвращался к идее, выдвинутой Плехановым еще в 1903 г., суть которой в том, что успех революции — это «высшее право», стоящее даже над всеобщим избирательным правом. Естественно, любые свободные выборы в Учредительное собрание превратились бы в победу эсеров над большевиками, потому что основную массу избирателей составляли крестьяне. Поощряя экспроприацию, большевики завоевали некоторое доверие части крестьян, но отнюдь не большинства. Из 41 млн. избирателей в декабре 1917 г. за эсеров отдали свои голоса 16,5 млн., за умеренные социалистические пар-

тии — чуть меньше 9 млн., за различные национальные меньшинства — 4,5 млн., за кадетов — менее 2 млн., за большевиков — 9 млн. Из 7 0 7 делегатов 175 составляли большевики, 370 — эсеры, 40 — левые эсеры, 16 — меньшевики, 17 — кадеты и более 80 — «разные». В этой ситуации эсеры и большевики открыто рассматривали вопрос о роспуске Учредительного собрания. Мария Спиридонова, лидер левых эсеров, разъясняла, что Советы «показали себя наилучшими организациями для разрешения всех социальных противоречий...». От имени петроградских большевиков Володарский заявил о возможности «третьей революции» в случае, если большинство Учредительного собрания будет противиться воле большевиков. 28 ноября правительство обвинило кадетов в подготовке государственного переворота, назначенного на день открытия Учредительного собрания, и арестовало основных руководителей партии. Против применения насильственных мер по отношению к Учредительному собранию были возражения и внутри партии большевиков (Каменев, Ларин, Рязанов, Милютин, Сапронов). В «Заметках об Учредительном собрании» Ленин, в частности, писал: «Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии».

К открытию Учредительного собрания 5 января 1918 г. большевики подготовили пространную «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», повторяющую резолюции съезда Советов по аграрной реформе, рабочему контролю и миру. Один из пунктов декларации, зачитанной Свердловым, гласил: Учредительное собрание «считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества». Делегаты отвергли это заявление о капитуляции и 244 голосами против 153 выбрали в председатели эсера В.Чернова, а не М.Спиридонову, поддерживаемую большевиками. Кроме того, Учредительное собрание отменило октябрьские декреты. Тогда на заседании Совета Народных Комиссаров большевики потребовали немедленного роспуска Учредительного собрания. Левые эсеры заявили о необходимости альтернативы: новые выборы или немедленное объединение сил, оппозиционных Учредительному собранию, в Революционное собрание. Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) тоже высказался за роспуск. На следующий день, 6 января, красногвардейцы, дежурившие у дверей зала заседаний, не допустили туда делегатов Учредительного собрания, которое было объявлено распущенным. Этот произвол не вызвал в стране особого отклика. Лишь отдельные петроградские эсеры попытались оказать вооруженное сопротивление, но оно потерпело фиаско. Войска, верные большевикам, открыли огонь по нескольким сотням безоружных демонстрантов, протестовавших против роспуска Учредительного собрания, возмущившего демократов, умеренных социалистов, некоторых большевиков. Общественность осталась безразличной. Опыт парламентской демократии продлился несколько часов.

Распустив Учредительное собрание, правительство ограничило prerogативы «высшего органа власти» — съезда Советов, сессии которого становились все реже и сводились к чисто символическим заседаниям. Из постоянно действующего органа ВЦИК превратился во временный: он собирался уже раз в два месяца, его компетенция была резко ограничена, главное, он потерял возможность аннулировать «срочные» декреты, принимаемые Совнаркомом. Президиум ВЦИКа, полностью контролируемый большевиками, стал постоянно действующим органом. Он монополизировал все функции контроля, обладал правом подтверждать решения Совнаркома и назначать народных комиссаров, предлагаемых Совнаркомом.

«Власть снизу», то есть «власть Советов», набиравшая силу с февраля по октябрь, через различные децентрализованные институты, созданные как потенциальное «противостояние власти», в мгновение ока превратилась во «власть сверху», присвоив себе все возможные полномочия, используя бюрократические меры и прибегая к насилию. Власть перешла от общества к государству, а в государстве к партии большевиков, монополизировавших исполнительную и законодательную власть. Еще некоторое время в Советах, лишенных своих полномочий, находились небольшевики, но еще до того, как была запрещена их деятельность, к их мнению перестали прислушиваться.